

Автор: Гнездилов А.

Это как будто письмо, как будто воспоминание, как будто возвращенная непрожитая жизнь. А в целом я бы мог назвать это «памятью сердца». Любопытные обстоятельства в романтическом флере, противоречащие современному мировоззрению. Пытаться объяснить это — нелепо. Молчать — значит наступать на горло самому себе. Уж лучше зажмурить крепко глаза и попытаться вернуть забытые, вернее полузабытые, страницы прожитой жизни.

И сразу перед глазами встает образ девочки-подростка в стилизованной матроске, изображающей маленького юнгу, потерявшего или не нашедшего своего корабля. Да, можно только представить себе, сколько впечатлений, надежд и горестей перенесло ее отважное сердечко, перед тем как она остановила свой бесконечный бег. И этот корабль носил внушительное имя. Скульптура украшала его борт, и, конечно же, никто не мог указать капитана, который был всюду и нигде. И, конечно же, корабль срочно отплывал. И без подписи Высочайшего пера юнгу никто не хотел пускать на судно. Чего было проще: проколоть себе палец и скрепить вечную связь между кораблем и собственной душой. А там дальше — будь что будет.

Вообще-то юнгу всегда отличала быстрота решений. Недаром дед прозвал ее за поспешность во всем «Ниночка — козы ножки», когда она мелькала среди толпы, стуча, как копытцами, своими башмачками. Ее никогда не просили потанцевать, потому что она и так жила танцуя. Приятный голос — контраalto, легкость движений слегка противоречили задумчивости взрослых глаз. Но главное, в ней была замечательная цельность. Ее не удовлетворяли скороспелые решения, и каждое впечатление проходило через ее сердце, оставляя опыт в чувствах, мыслях и действиях. Вот и

встреча с судьбой, казалось, была предусмотрена всей предыдущей жизнью. И вот она села прямо у пирса и из размягнутой солнечными лучами глины вылепила бушприт корабля в виде мчащегося кентавра. Чья-то рука ободряюще легла ей на плечо. И, конечно, это была рука капитана, который обещал взять ее на корабль. Как странно... этими обстоятельствами была предопределена их биография.

Конечно, можно было бы описать красочную жизнь, в которой возникли руль и направление, можно было бы рассказать о приключениях, встречавшихся на ее пути, но это оказалось неважным. Даже встречи с друзьями, с любимым человеком, с появлением в ее жизни мальчика с белокурыми локонами и мечтательным взглядом — все это обретало смысл только на палубе фантастического судна. И любимый человек оказался моряком с выразительным лицом, которое обещало ей «натуру» на всю жизнь. Друзья оказывались поэтами, читавшими наизусть романтическую балладу Лермонтова «Воздушный корабль». Она никогда не могла сдержать слез, услышав строки:

«На синих волнах океана, лишь звезды сверкнут в небесах, корабль одинокий несется, несется на всех парусах...»

И, конечно, финал вызывал особое переживание, когда император напрасно искал и ждал свою армию, своего умершего сына и возвращался обратно, в могилу на одиноком острове. И, разделяя горе Наполеона, юнга со слезами молился за него, искренне полагая, что вряд ли кто-нибудь другой воздаст должное памяти великого человека.

Вместе с тем, в минуты смертельной опасности для себя и своих друзей юнга вел себя так достойно, что это вызвало чувство уважения у самых отъявленных негодяев, которые во все времена пиратствовали и пиратствуют во всем мире, во всех морях и океанах. И эта ее стойкость зачастую спасала ситуации и предотвращала кровавые финалы.

Она жила долго и работала до последнего часа. Уход ее был светлым и тихим. Неудобно писать и сознаваться в том, что оказался незамеченным и так же двигался в великое «ничто» сказочный корабль, украшенный теперь и ее скульптурами. Так же случайные и неслучайные люди воздавали должное таланту художницы. И казалось, что со смертью ее ничего не изменилось в мире. Вот только странные вещи стали твориться в старой мастерской. То были всякие шумы, переходившие в легкие или тяжелые шаги по лестнице, где никого не было и не могло быть, свист ветра, внезапно приобретающий музыкальную форму, голоса, окликавшие присутствующих. Ко всему этому присоединялось колыханье ветра, легко запутавшегося в оконных занавесях. В зимнюю пору свет и тени отражались в окнах, слагаясь в причудливые картины кружащихся, танцующих фигур. Батальные сцены сменялись танцевальными или чинно-парадными. Хоры, обрывки фраз, песен — все это наполняло мансарду с фантастическим содержанием. Все более усложнялись сюжеты, все глубже звуки неведомого мира заполняли пространство, пока не наступал рассвет, и мансарда замолкала. Сон воцарялся, и как финал слышался в воздухе короткий, но полный жизни вздох. Так бывает, когда люди переводят стрелки старинных часов и наступает особое время, волшебное. В эти минуты можно загадывать желание и верить в его исполнение. Время становится бесконечным, но эта бесконечность может обернуться огромной змеей — анакондой, выползающей из комнаты наружу. И, как ни спеша схватить это огромное тело, его медленные ползки оказываются всегда быстрее. И только эхо от шуршащей чешуи наполняет паузу ее ухода. Вот именно этот вздох, так отличный от всех других, напоминал и повторял дыхание Ниниш.

Со временем все чаще занавески в мансарде, то взрывающиеся смутной белизной кружев, то замирающие в узорах хлопьями снега, становились все более отчетливыми в этом органе звуков. Живое дыхание побеждало, и ты внезапно чувствовал рядом с собою хозяйку мансарды. Она же словно не замечала производимого ею впечатления и стремилась к кускам материала, с которыми работала.

Однажды мне вспомнилось, как она, летя в самолете, любовалась формами облаков, и, обратившись ко мне, сказала: «Когда я буду на том свете, я буду лепить фигуры из этих облаков. Это будет мой подарок тебе». Стоит ли уточнять, какие дивные скульптуры возникли перед моим взором. Особенно бросался в глаза бюст прелестной восточной женщины со склоненной головой. Как месяц светились ее черты лунным светом. И далекая печальная улыбка раздвигала пространство облаков. Ее хотелось назвать восточной Мадонной. В выражении ее лица таилась красота боли — если не сказать, что в нем заключалась боль красоты.

Потом с хозяйкой мастерской стало возможно мысленно разговаривать. Нынешний ее голос звучал как тень настоящего. Однажды она явилась удивительно помолодевшей и напоминала женщин начала XX века в духе Анны Ахматовой или Марины Цветаевой.

Я спросил, как ей удастся сохранить благородную красоту и юность, несмотря на годы.

— Я ненамного старше тебя, — смеясь, заметила она, — всего на 7 лет.

— Но Вы же не могли родить в возрасте 7 лет?

— А ведь Богородице было это дано.

Я замолчал, смущенный величием человека, спокойно протянувшего руку божественному началу. И подумал о безгрешном рождении Спасителя. И силою ли моего желания, создавшего визуализированное представление, или мощью веры, заставившей забыть о смерти и спокойно продолжать избранное, граница двух антиподов — жизни и смерти — была преодолена. Не к этой ли победе обращал Спаситель мысли человека, подчеркивая силу веры? К тому же лорд Веруламский Джозеф Гленвиль очень отчетливо возвестил, что человек не знает чуда воли. Человек не уступил бы ни ангелу, ни самой смерти, если бы не слабость его воли.

Явление матери, ее поддерживающее присутствие и, главное, бессмертие ее души — вот где опора, и надежда, и вера в едином букете надзвездных цветов.